

Тогда, десять лет назад, как всегда в период смут и потрясений, на обочину жизни были отброшены старые да малые, дети, пенсионеры, инвалиды. Остальные поразному. Кто-то сумел хапнуть и приватизировать. Кто-то предпочел оставить соотечественников наедине с их проблемами и отбыл в более благополучные края. А кто-то остался и пошел в библиотеку. Уж один человек точно это сделал - вполне успешная радиожурналистка Мария Крючкова, тогда еще и не представлявшая себя ни матушкой, ни настоятельницей. Просто она любила и знала историю и понимала, что все в этом мире повторяется. Смуты - это российская быль. Но и выживание - тоже. Как, за счет чего, какие спасительные круги бросает судьба отчаявшемуся и идущему ко дну обществу?

Ответ оказался предсказуемым. В любых катаклизмах последнее слово остается за такими хрупкими, казалось бы, категориями, как любовь, милосердие и сострадание. На эту истину и натолкнулась Мария Николаевна, изучая материалы о том, как организовывались фонды помощи слабым и обделенным в начале XX века.

Архивы заговорили голосами тех, кто столетие назад пытался перестраивать Россию.

Матушка Елисавета говорит неторопливо, растворяя собеседника в своей мягкости и несуетности. Но не спешите с выводами. Дослушав до конца о том, какие дела сделаны и какие предстоят, вы поймете, что только очень сильный и целеустремленный человек мог создать такое за прошедшее безумное десятилетие.

НА ОРДЫНКУ, ОТ ПРИНЦА ЧАРЛЬЗА

Голоса тонули в шуме стрельбы и взрывов самодельных бомб, но сквозь весь этот хаос настойчиво пробивался тихий шепот молитв, которыми начинала и заканчивала свой день немецкая принцесса Элла, внучка английской королевы Виктории, она же русская великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова московского генерал-губернатора Сергея Александровича Романова, погибшего от рук террористов. Это на ее средства и ее трудами была создана Марфо-Мариинская обитель. В эту обитель она ушла, чтобы помогать, лечить, спасать.

Обитель Марфы и Марии открылась в 1909 году и существовала до 1926-го, постоянно находясь под угрозой закрытия после того, как в 1918-м мать-настоятельница была арестована и брошена живьем в шахту. В обители находили приют молодые женщины из разных слоев общества - от княгини до крестьянок. Здесь были больница и аптека для бедняков, делали операции, на которых ассистировала сама Елизавета Федоровна. Здесь работали медицинские курсы, а хирургический стационар считался лучшим в столице, зубоветеринарный кабинет - одним из самых передовых. Лекарства в аптеке отпускались беднякам бесплатно, а уход за больными был самым тщательным. При обители открылся и приют для девочек-сирот, которые здесь росли, получали образование и хорошую работу.

Повышение грамотности женщин, устройство их судеб, помощь тем, кто непосильно работал на фабриках и заводах, бесплатные обеды, поддержка и лечение больных туберкулезом, шитье одежды для детей бедняков, сбор пожертвований для нуждающихся... То, чем занималась обитель под руководством настоятельницы, так воодушевило бывшую журналистку и будущую мать-настоятельницу, что она сотворила почти невероятное - после нескончаемых походов по всевозможным инстанциям, бессчетного числа подготовленных документов добилась передачи всех зданий, которые когда-то принадлежали обители, в собственность церкви и возродила на прежнем месте то, что казалось утерянным навсегда.

Формально датой нового рождения обители стал 1992 год. Имея здания в собственности лишь на бумаге, сестры уже ходили по домам, лечили бедных и кормили голодных. Будто и не прожит век... Опять собирают посылки на войну, опять нужна помощь в госпиталях, куда привозят раненых, опять нарасхват сестры милосердия и операционные сестры, и вновь откроют свои двери бесплатная лечебница и аптека для неимущих. И старики по-прежнему рады бесплатным

Когда матушка достает письма и рисунки, которые дети присылают ей с моря, улыбка вообще не сходит с ее лица. Кто-то пишет, что впервые купался в соленой воде, кто-то рассказывает, как недавно видел дельфинов... Обычные впечатления обычных детей - домашних, из благополучной семьи. И в этом ответ на вопрос о том, что делают дети в обители и как они там живут.

Живут те, кто ходит в младшие классы, и те, кто уже вырос за эти годы и теперь начал работать или продолжает учиться в колледжах и институтах. «Как во всякой семье, - пожимает плечами матушка, - пока сами не решат, что могут

должно заинтересоваться возрожденной историей.

Она не ошиблась. В Англии письмо с рассказом обо всем происходящем в обители и альбом с фотографиями попали к наследнику престола. После чего принц Чарльз устроил прием в память о славной родственнице, пригласил на этот прием матушку Елисавету и стал другом вновь возрожденного детища внучки королевы Виктории. А потом обитель получила приглашение участвовать в конкурсе на лучший международный благотворительный проект - и выиграла! Сумма, полагающаяся победителю, была столь внушительна, что откуда ни возьмись родилось

епархии, включая самые отдаленные. Специально для девушек из глубинки появилось комфортабельное общежитие, за что матушка во всех своих молитвах благодарит постоянного спонсора и безотказного помощника - коллектив столичного домостроительного комбината № 1.

А руководство училища в свою очередь тоже благодарит - всех вместе, потому что благодаря этим специальным группам изменилось поведение остальных учащихся, изменился микроклимат в училище - кто сказал, что лишь дурные примеры заразительны?

Содержать, кормить, поить будущих сестер милосердия

...Именно в ту пору в любимой на всю жизнь бабушкиной деревне Андреевке маленькая Маша увязалась однажды с деревенскими бабами на незаконный сбор хвороста для стальных хат. Собрали, связали в тяжелые вязанки, примеряя, смогут ли унести неподъемный груз. А потом кто-то закричал: «Лесник!» - и бабы, побросав в кусты с таким трудом добытое топливо, пулей понеслись восвояси. Маша отстала, вязанка вцепилась в волосы, больно была по спине. И в эту минуту оглянулась одна соседка, всплеснула руками: «Бабы, Маня отстала, что же ей, пропадать?»

Ее подхватили под руки, понесли со смехом. Подогнув но-

ги, Маша так и долетела по воздуху на добрых бабушких руках почти до самого дома, прямехонько в бабушкины объятия. И ночью, засыпая в нетеплой избе, улыбалась тому теплу, которое, сами того не ведая, подарили ей на всю жизнь простые русские женщины.

И в какой-то момент меня словно осенило. Когда мы говорили о ее воспитанницах, о том, как скучают сейчас они друг без друга и как будут радоваться встрече, матушка Елисавета сказала, смеясь, что в таких случаях заранее ищет свободную стенку, чтобы прислониться. Потому что восторженная детская буря понесется к ней мощной волной и с криками: «Матушка, любимая, моя, моя, моя» - может снести все на своем пути. А потом подхватит, чуть ли не поднимет ее над полом, а потом она протянет руки и, стараясь обнять всех вместе, начнет прижимать к себе каждую и так, смеясь и неся друг друга по очереди, они одолеют коридор и доберутся до гостиной, где наконец усядутся на диване и наговорятся всласть.

То ощущение любви и правильной защищенности окружающего мира, которое подарила ей бабушкина деревня, теперь по наследству достается прирученным ею детям. Да и взрослому тоже. Всем, кто в беде и кому нужна помощь.

Наверное, на прочнейших стержнях, свитых из таких вот зыбких и нежных чувств, и держится милосердие. Хорошо, что у него теперь есть еще один конкретный адрес - а по сути старый, столетней давности: улица Большая Ордынка, в столице.

**Лидия
КУДРЯВЦЕВА**

жить самостоятельно, как взрослые».

Но в любой семье бывают проблемы, а тут двадцать девочек с трудными судьбами и печальными биографиями. И я недоверчиво настаиваю: «Не могут же все быть одинаково хорошими!»

«Могут, - отвечает матушка, - если их всех любить. Ведь у наших детей дефицит любви. Не будет этого самого страшного дефицита в жизни ребенка - не будет проблем».

Обитель живет по уставу, написанному еще Елизаветой Федоровной. Та же дисциплина, те же обязанности, закрепленные за каждым: церковные, медицинские, аптечные, рукодельные, по хозяйству, по уборке помещений, по закупке материалов, помощи отстающим. Когда княгиня купила усадьбу, чтобы открыть обитель, здесь было четыре дома и большой сад. Саду предстоит родиться заново, а вот здания оказались на месте: и больница, и аптека, и амбулатория, и столовая, и библиотека, и домик настоятельницы, и главный храм, построенный Елизаветой Федоровной.

За прошедшее столетие здания, мягко говоря, поизносились и требовали ремонта. И матушка в очередной раз заседала за подготовку документов. На этот раз не только в правительстве Москвы, которое выделило деньги на содержание приюта, но и в другом правительстве, которое, как ей каза-

некое общество по поддержке обители Марфы и Марии, которое выразило горячее желание быть посредником между английскими деньгами и сиротскими проблемами.

Я рассматриваю отремонтированные помещения, хожу по коридорам с массивной деревянной мебелью, уходящей своими полками и шкафами под самый верх высокого потолка, захожу в светлые детские спальни с нарядными покрывалами на кроватках и вспоминаю рассказы матушки о том, как «вытаскивала» она причитающиеся обители деньги.

Когда специалисты составили смету и подготовили для отправки в Англию счета, посредники были очень недовольны - одно считали ненужным, другое полагают завышенным. Бывшая радиожурналистка наняла английских экспертов, те подтвердили правильность действий и финансовых бумаг, и счет за их работу полетел в Англию. После нескольких таких обменов любезностями посредники сдались, и положенные деньги обитель истратила с пользой для дела.

Возродила матушка Елисавета и еще одно важнейшее дело: воспитание и обучение сестер милосердия. Теперь на каждом курсе Всероссийского научно-методического центра - крупнейшего медицинского колледжа страны - у обители есть свои группы. В каждой по 30 человек, которых могут направлять на учебу все приходы и